

УДК 82-053.2

**СПЕЦИФИКА СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ
В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

© 2014 г.

Л.Ф. Хабибуллина

Казанский (Приволжский) Федеральный университет

fuatovna@list.ru

Поступила в редакцию 11.07.2014

В статье рассматриваются механизмы стереотипизации образа России в английской литературе XX века, анализируются источники стереотипных представлений и возможности их преодоления.

Ключевые слова: английская литература, миф России, национальный стереотип, цивилизаторский дискурс, политический дискурс, дискурс путешествия, дискурс культуры.

Миф России рассматривается нами как создающийся во взаимодействии как минимум четырех основных дискурсов: цивилизаторский дискурс, дискурс путешествия, политический дискурс и дискурс культуры. Рассмотрим формирующиеся в рамках этих дискурсов стереотипы и их возможные источники.

Дискурс путешествия стоит особняком в контексте нашей проблемы: в части трансляции и навязывания стереотипа он наиболее «коварен», так как претендует на «правдивость» изложения. В то же время он зачастую ничего общего с правдивостью не имеет, особенно в художественных произведениях, основанных на сюжетной схеме путешествия. Данная природа «непосредственного» впечатления описана во многих современных работах о проблемах национального и получает постоянные подтверждения в художественной литературе, становясь у постмодернистских авторов уже предметом рефлексии. Э. Саид отмечает этот феномен в работе «Ориентализм»: «Самое важное в том, что подобные тексты могут *порождать* не только знание, но и саму описываемую ими реальность. Со временем такое знание и такая реальность создают традицию или то, что Мишель Фуко назвал дискурсом, чье материальное присутствие или вес (а вовсе не оригинальность отдельного автора) в действительности ответственны за возникающие в ее пределах тексты» [2, с.123].

Сюжет путешествия в течение десятилетий не меняет своей схемы. Важными компонентами такого сюжета становятся приезд и первые впечатления, обязателен сюжет нападения на иностранца и последующие контакты с милицией (Д. Фрэнсис «Предварительный заезд», Э. Берджесс «Трепет намерения», О. Мэтьюз «Ан-

тисоветский роман»), посещение дома интеллигенции с беседами и / или вечеринки с обильными возлияниями (Э. Берджесс «Мед для медведей», Дж. Ле Карре «Русский Дом»), встреча с нищими и / или пьяницами и / или бомжами, одна-две жанровые сценки с их участием («Мед для медведей», М. Брэдбери «В Эрмитаж!», О. Мэтьюз «Антисоветский роман») взаимоотношения с русскими и соотечественниками обычно с историей предательства и/или доноса (К. Эмис «Эта русская», О. Мэтьюз «Антисоветский роман»). Следует отметить не столько повторяемость элементов сюжета, сколько устойчивость идеологии, выражаемой посредством дискурса путешествия. Так, непредвзятый путешественник чаще всего в большей или меньшей степени преодолевает свои предубеждения относительно России, существующие в начале произведения, которые определяются амбивалентным образом одновременно страшной и грандиозной страны. Воображаемая Россия чаще всего ассоциируется с историей как собственной, так и мировой, прежде всего XX века, вследствие чего выбирается местом разрешения неких микро- или макроисторических ситуаций: чаще всего английскому герою приписывается функция спасения если не мира, то культурных ценностей) либо посредством похищения значимой вещи (меч короля Артура («Железо, ржавое железо»), фрагмента старинного издания Стерна из библиотеки Дидро («В Эрмитаж!»), рукописи Якова Савельева («Русский Дом»), либо посредством неких преобразующих действий героя в глубине страны: действия Февера в Сибири («Ночи в цирке»), розыск наследника Сталина в Архангельске («Архангел»), попытка переворота агента в Крыму («Трепет намерения»). Данные сюжетные ситуации ста-

новятся своего рода реваншем английского героя, чья страна перестала быть местом развития больших исторических событий, способом участия в этих событиях.

Чаще всего этот дискурс не связан с созданием собственного набора стереотипов, то есть может транслировать любые стереотипы, или претендует на то, чтобы их опровергнуть. Специфика дискурса путешествия в литературе второй половины XX века состоит в том, что он зачастую выполняет демифологизирующую функцию по отношению к тем стереотипам, которые складываются в рамках цивилизаторского и политического дискурсов, в силу его принципиальной установки на непосредственное впечатление. Такая демифологизация становится первым этапом для понимания национальной специфики России и построения национального образа России не в рамках стереотипа, а в результате ее индивидуального постижения.

Цивилизаторский (или колонизаторский) дискурс. В рамках этого дискурса репрезентативным становится образ дикаря и акцентируются его соответствующие черты; Важный компонент цивилизаторского дискурса – это акцентирование культурной дистанции, поэтому в рамках этого дискурса русский – всегда примитивный и лишенный культуры. Здесь действуют модели, описанные Э. Саидом в работе «Ориентализм», где автор акцентирует главные особенности такого подхода: тенденцию к генерализации, изображению другого как нерасчлененного целого и тенденцию к его изображению как статичного, не изменяющегося с течением времени. Неизменность данных особенностей изображения России и русского сохраняется в течение всей второй половины XX века, при этом способ изображения русского в английском романе прямо зависит от политической ситуации. В этом отношении особенно показательны «массовый» политический шпионский роман, который демонстрирует указанные особенности практически в чистом виде: чем более выражена потенциальная угроза, исходящая от СССР (России), тем ярче выражены черты «дикаря» и «дикой страны» в изображении России и русского. Массовый роман 60-х–90-х (романы Я. Флеминга, Ф. Форсайта, Р. Харриса) часто не многим более активен в акцентировании «дикарских» черт, чем постмодернистский роман рубежа XX–XXI в., где элементы цивилизаторского дискурса могут стать маркерами некой условной «русскости» (А. Картер «Ночи в цирке»); в литературе «промежуточного» уровня (романы Э. Берджесса, Дж. Ле Карре, Д. Фрэн-

сиса) цивилизаторские схемы могут стать предметом иронии, но нередко воспроизводятся и как некая аксиоматическая данность.

Особенностью воспроизведения образа русского является то, что он в английской литературе обычно не принимает черт типа «благородного дикаря», так как непременным атрибутом последнего является угнетенность и притесненность. Это, пожалуй, единственное свидетельство того, что создавая и транслируя цивилизаторский дискурс, западный автор осознает наличие противоречия между применением ориенталистских схем в отношении образа России и тем, что Россия никогда не была ни слабой, ни полностью восточной страной, ни колонией, угнетенной Западом. Напротив, образ «благородного дикаря» наиболее часто используется в отношении представителей Кавказа, воспринимаемых как наиболее яркие жертвы колонизаторской политики России, особенно в политическом романе 90х годов. Так, в романе Ф. Форсайта «Икона» (1996) этот образ амбивалентен и реализуется в двух вариантах. «Благородный дикарь» в чистом виде в романе – это представитель малого народа Сибири (удэгейцев) Петр Соломин, образ, явно восходящий к куперовской традиции. Второй тип «благородного дикаря» несколько снижен вследствие явной невозможности его идеализации и восходит скорее к образам шотландцев Вальтера Скотта, так как изображает «угнетенный» народ – чеченцев, восставших против русских и также вследствие этого сотрудничающих с Западом. В изображении лидера «чеченской мафии» Умара Гунаева акцентируется внешняя привлекательность, красота, но не скрывается деятельность: он лидер чеченской преступной группировки в Москве, конкурирующей с другой группой, русской.

Важно в то же время, что черты образа дикаря по сути, не имеют национальной специфики и временных ограничений: дикость, кровожадность, пьянство, вороватость, трусость, зооморфность – все это присуще в равной степени и шекспировскому Калибану, и генерализованному русскому и из травелогов XVI века [3, с. 10–41], и из постмодернистского романа. Протицируем в доказательство роман М. Брэдбери «В Эрмитаж!»: *Орлов хоть и умен, но неразвит и неотесан, как все русские. Подобно зверю, он раб своих инстинктов. Идеи, пришедшие с Запада, ненавистны ему* [4, с. 295].

В связи с этим можно говорить о том, что этот стереотип, хоть и является наиболее «неприятным» для русского, но не содержит по большому счету ничего специфически нацио-

нального (за исключением столь же стереотипизированных эмблематических реалий: снег, баня, икона, кнут, маркирующих собственно русскость) и, несмотря на то, что он, особенно до XX века существовал в рамках травелога, остается, согласно приведенным исследованиям, своего рода «подгонкой» опыта под ожидания. В XX веке, как упоминалось, дискурс путешествия служит как раз демонстрацией способности к преодолению стереотипа, прежде всего, сформированного в рамках «цивилизаторского» подхода, но в большинстве произведений, основанных на сюжете путешествия, эта функция не реализуется. Так, такие произведения, как «В Эрмитаж!» М. Бредбери, «Ночи в цирке» А. Картер и др., позиционируемые как игра со стереотипом, не осуществляют, тем не менее, его деконструкции, а транслируют его, пусть и на уровне игры.

Политический дискурс формируется относительно поздно (строго говоря, широкомащтабно в художественной литературе это происходит после второй мировой войны) и исторически тесно связан с цивилизаторским. Именно в рамках политического дискурса складываются новые традиции изображения русских, создается архетип советского вождя (образ правителя), создаются способы описания советской власти, дискутируются значимые концепты, такие как «власть», «демократия», «свобода», которые оформлялись в западном политическом дискурсе в рамках полемики с советской системой, а также закладывается новая система стереотипов. В 60-е годы XX века в английской и американской гуманитарной науке появляется новая область знания – «советология», активно развивающаяся в течение 60–80-х годов XX века [5]. Первоначально именно советологи продуцировали цивилизаторский миф, акцентируя азиатскую, чуждую Западу природу российской цивилизации, однако ими же постепенно создается миф о царской России как «золотом веке» российской истории и мрачном советском настоящем, противопоставленном этому периоду. Дискуссия по этому поводу ведется и внутри западной советологии, в частности, противником такого подхода, представленного в работах американского советолога Р. Пайпса, выступает М. Малиа [6]. Источником этого мифа можно смело назвать представителей русской эмиграции первой волны, многие из которых и становились советологами.

Первый из четырех периодов российской эмиграции длится с 1917 по 1938 годы. За это время из страны уехало или было депортировано около 4 млн. человек. Первая волна поддер-

живает цивилизаторский дискурс (а во многом именно она дала ему новое «ностальгическое» наполнение в XX веке) и является истинным автором мифа о «золотом веке» Российской империи и «национальной катастрофе» русской революции (подробно особенности каждой волны российской эмиграции проанализированы в работах О.А. Казниной [7]).

Атмосфера русской эмиграции остроумно иллюстрируется в романе Кингсли Эмиса «Эта русская» (1992), одном из немногих, где стереотипы являются предметом авторской иронии. Приведем меткие характеристики представителей этих волн из романа К. Эмиса; в частности, он так характеризует мировоззрение первой волны: *ненавистная Россия Ленина, Сталина и их последователей рушится и постепенно канет в небытие. Однако то, что идет ей на смену, ничем не лучше – это страна столь же грубая, тираническая, уродливая, грязная варварская, неграмотная, мрачная, все та же бесплодная и безжизненная пустыня в культурном отношении. Страна, столь же нам чужая. Наша родина, которую здесь помнят лишь немногие, известная нам по воспоминаниям родителей, бабушек и дедушек, исчезла навсегда* [8, с. 55]. Связь с Россией у этой волны ослаблена, информация о положении в стране приходит не из первых рук: *сын старого друга, проводивший год в Москве, гости из Харькова, два британских инженера, проработавших полгода в Узбекистане...* [8, с. 55].

Еще одним важным источником английского литературного политического дискурса и сформировавшихся внутри него стереотипов можно считать разочаровавшихся коммунистов таких, как Артур Кёстлер и Джордж Оруэлл, создавших образ «страшного» СССР в романах «Слепящая тьма» (1941) и «1984» (1948). Оруэлл признается во влиянии на него текста его литературного предшественника, поэтому Кёстлер, также опосредованно относящийся к эмиграции (он еврей, сын выходца из России, увлекавшийся одно время коммунистическими идеями), видимо, является его первоисточником.

Внутреполитической причиной послевоенного интереса к «советской» проблематике в английской культуре является то чувство, которое можно описать как страх потери идентичности в связи с распадом империи, возросшей популярностью СССР в связи с итогами второй мировой войны и победой лейбористского правительства на выборах, что заставляет упомянутых авторов стать популяризаторами британских национальных и политических ценностей, критиками тоталитаризма и пропагандистами

демократии. О том, что приход коммунизма воспринимается как реальная угроза, свидетельствуют романы «1984» Оруэлла, «Век вожделения» (1951) Кёстлера о захвате Франции советскими войсками, «Повелитель мух» (1954) Голдинга, где действие происходит во время гипотетической третьей мировой войны и др. Оруэлл убежден, что СССР – это наиболее опасная модель тоталитарного общества, но при этом он не считает (в отличие от многих английских авторов), что русские – опасная нация. Так, в статье «Подавление литературы» (1945-46) он пишет: «Просоветски настроенная интеллигенция, не подпав под воздействие этого мифа, возможно, поддалась бы какому-нибудь другому. Но русский миф в любом случае налицо и действует разлагающе» [9, с. 284]. Таким образом, он видит проблему не в национальной, а именно в политической сфере. «Оруэлловский» контекст политического романа впоследствии проявляет себя как через ретрансляцию его идей, ставших стереотипом, так и через прямые упоминания (Берджесс и др.).

Такая ситуация в целом сохраняется в английской литературе до 1990-х годов, когда цивилизаторский и политический стереотипы сливаются воедино. Один из известных оксфордских исследователей России Роберт Хингли, сравнивая современность и XIX век, уже в 1978 году стремится доказать, что между предреволюционной и постреволюционной Россией нет принципиальной разницы, говоря о неизменности (*immutability*) российской ментальности во все века [10]. На Западе все больше акцентируется мысль о том, что те особенности России, которые ранее приписывались советской системе, на самом деле являются ее национальными чертами, которые проявляются на всех этапах ее исторического развития. В 90-е годы проводить аналогии между Ельциным и русскими царями становится почти общим местом, на смену образу жестокой и бесчеловечной советской власти приходит образ бессильной новой российской власти, деспотия и одновременно бессилие становятся важными характеристиками власти в России в политическом романе 90-х (Ф. Форсайт «Икона», Э. Берджесс «Железо, ржавое железо» и пр.).

Стереотипизация в рамках политического дискурса имеет несколько иную природу, чем ранее. Если «цивилизаторский» стереотип, следовал из глобального противопоставления «своего» и «чужого» по принципу цивилизация – дикость, то здесь противопоставление строится на более сложном анализе различного смыслового наполнения одних и тех же концептов. На-

пример, в целом ряде произведений (Э. Берджесс «Мед для медведей», Т. Стоппард «Берег Утопии» и др.) рассматривается смысловое наполнение концепта «свобода». В целом ряде романов оппозицией свободы по-русски выступает не тирания, а скорее порядок. Надо отметить, что идеализация свободы «по-английски» вновь восходит к собственно русским источникам. И. Берлин, еще один представитель первой волны эмиграции, чьи труды с 60-х годов становятся главным источником сведений о российском менталитете и представителях русской интеллигенции XIX и XX века, приводит в своем очерке «Александр Герцен» цитату из высказываний Бакунина, еще одного известного эмигранта, считавшего, что словосочетание «я англичанин» тождественно словосочетанию «я свободный человек» [11].

Политический дискурс уточняет содержание существующих концептов таких как «власть», «свобода» в отношении СССР и России, а также порождает ряд стереотипов, связанных преимущественно с теми или иными политическими реалиями, как например, «застенки КГБ» и пр. Набор стереотипов, сформированных в рамках политического дискурса, порожден во многом теми, кто имел отношение либо к России (эмигранты первой волны), либо выражал симпатии к коммунизму.

Одновременно настроения в отношении к России в Англии примерно с середины 60-х годов во многом определяют представители третьей волны эмиграции, носители диссидентской мифологии, которая наиболее ярко повлияла на английскую литературу о России в рамках не столько политического дискурса, стереотипы которого скорее эксплуатировались представителями этой волны, чем порождались, сколько дискурса **культуры**. Этиология его относится к началу XX века и связана с той же первой волной эмиграции. «Именно в этот период (речь идет о 10-х годах XX века – Л.Х.) Европа открыла для себя Россию. Все читали русских прозаиков, русские танцоры покорили цивилизованный мир, русские композиторы затронули душевные струны людей, начинающих уставать от Вагнера. Русское искусство обрушилось на Европу как эпидемия гриппа. В моду входили новые фразы, новые цвета, новые эмоции, и высоколбы без малейшей запинки называли себя представителями *intelligentsia*» [12, с. 286]. В связи с этим позитивные коннотации образа России усиливаются, и в английской литературе и культуре начинается процесс построения «идеальной» России. Именно в рамках дискурса культуры происходит своего рода

оправдание, а в некоторых случаях идеализация России, третья волна эмиграции вносит в него определенные коррективы.

Третья волна эмиграции (1948–1990 годы) зарождается в период холодной войны, является относительно добровольной и, вместе с тем, сильно ограничивается властями. За этот период за рубеж уехало около 1,1 млн. человек. Это жертвы политических преследований советской эпохи, ее представители часто не скрывают своей американской ангажированности. Это диссидентские круги 60–70 годов, состоящие из потомков репрессированных в сталинскую эпоху и преследуемых по различным причинам советской властью. Обратимся вновь к роману Кингсли Эмиса, который уделяет внимание в своем романе и этой волне. Если первая волна сохраняет свою верность собственной законсервированной «русскости» (автор отмечает, что многие не знают английского языка), то один из центральных героев романа писатель Андрей Котолынов, представитель третьей волны, приобрел зеркальную советской американскую идентичность, которая, как и советская, становится для него предметом иронии (на обложке его книги написано: «Эндрю Коттл – американец, свободно говорящий по-русски» [8, с. 362]), а затем пришел к аполитичной позиции, отметившей его жизнь в Англии, не перестав при этом писать из-за денег романы на «русскую» тему. Увлеченность российской интеллигенции американскими ценностями отмечена многими английскими авторами, которые парадоксальным образом «защищают» русскость самих русских (сцена из романа Э. Берджесса «Мед для медведей»). Образы американизированных диссидентов демонстрируют эволюцию советской диссидентской интеллигенции, для которой, как и для советского общества этого периода, характерны некие «двойные стандарты». Котолынов, провозглашая своим идеалом искусство, литературу, которая *важнее, чем политика* [8, с. 258], в своих романах, чьи художественные достоинства весьма сомнительны, дает упрощенную картину русской действительности, приспособляясь к вкусам западного читателя.

Это весьма точно характеризует и особенно бытования русской эмиграции второй волны, и специфику дискурса культуры в английской литературе о России конца XX века, где восхищение русской культурой легко уживается с трансляцией стереотипов, должным образом обоснованной. С одной стороны, через культуру, литературу Россия получает своего рода «оправдание» в большом количестве произве-

дений, авторы которых готовы отказаться от ориенталистских моделей и абстрагироваться от политических стереотипов, с другой – мысль о вторичности русской культуры по отношению к западной транслируется в целом ряде текстов таких крупных авторов, как М. Брэдбери («В Эрмитаж») и Э. Берджесс (Железо, старое железо»), что позволяет им легко к ним обращаться вновь и вновь.

Политический дискурс и дискурс культуры в английской литературе XX века о России сформировали амбивалентный образ страны. Стереотип благодаря этой амбивалентности формируется уже не на наднациональных основаниях, а приобретает собственно национальные черты: страна великой культуры, но тиранической власти; глубокой духовности, но низкой политической и бытовой культуры, с неразвитой демократией, но развитой душой и пр. Гетеростереотип, формировавшийся на протяжении ряда веков, но особенно интенсивно в последние 70–80 лет, на наш взгляд, является во многом плодом усилий представителей российской интеллигенции, преимущественно эмигрантской, которая и стала одним из главных его авторов, приспособлявая автостереотип к запросам своей новой родины.

Список литературы

1. Хабибуллина Л.Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань: Казанский университет, 2010. 206 с.
2. Саид Э. Ориентализм / пер. с англ. А.В. Говорунова. М.: Русский мир, 2006. 637 с.
3. Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2003. 131 с.
4. Брэдбери М. В Эрмитаж! / пер. с англ. М.Б. Сапрыкиной. М.: АСТ, 2003. 509 с.
5. Меньковский В. Англо-американская советология в системе гуманитарных и социальных наук // Информационный бюллетень. Статьи и проекты выпускников американских программ обмена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsletter.iatp.by/ctr3-4.htmctr3-4.htm> (дата обращения 05.12.2013).
6. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917–1991 / пер. с англ. А.В. Юрасовского, А.В. Юрасовской. М.: РОССПЭН, АНО, 2002. 582 с.
7. Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие. ИМЛИ РАН, 1997. 416 с.
8. Эмис К. Эта русская / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Симпозиум, 2001. 448 с.

9. Оруэлл Дж. 1984 и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
10. Hingley R. *The Russian Mind*. Lnd, Sydney, Toronto: The Bodley Head, 1978. 35 p.
11. Берлин И. Александр Герцен / пер. с англ. И.Казаковой // Новое литературное обозрение. 2001. № 49 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/berlin.html> (дата обращения 05.12.2013).
12. Моэм С. Любовь и русская литература / пер. с англ. В. Вебер // Моэм С. Эшенден, или Британский агент. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 315 с.

THE SPECIFICS OF THE STEREOTYPIFICATION OF THE THE IMAGE OF RUSSIA IN MODERN ENGLISH LITERATURE

L.F. Khabibullina

This article discusses the mechanisms of stereotyping the image of Russia in the English literature of the twentieth century, analyzes the sources of stereotypes and opportunities to overcome them.

Keywords: English literature, myth of Russia, national stereotype, civilizing discourse, political discourse, the discourse of travel, the discourse of culture.

References

- Habibullina L.F. *Mif Rossii v sovremennoj anglijskoj literature*. Kazan': Kazanskij universitet, 2010. 206 s.
- Said Je. *Orientalizm* / per. s angl. A.V. Govorunova. M.: Russkij mir', 2006. 637 s.
- Mihal'skaja N.P. *Obraz Rossii v anglijskoj hudozhestvennoj literature IX–XIX vv.* M.: Literaturnyj institut im. A.M. Gor'kogo, 2003. 131 s.
- Brjedberi M. *V Jermitazh!* / per. s angl. M.B. Saprykinov. M.: AST, 2003. 509 s.
- Men'kovskij V. *Anglo-amerikanskaja soveto-logija v sisteme gumanitarnyh i social'nyh nauk // Informacionnyj bjulleten'. Stat'i i proekty vypusnikov amerikanskikh programm obmena [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://newsletter.iatp.by/ctr3-4.htm> (data obrashhenija 05.12.2013).*
- Malia M. *Sovetskaja tragedija: Istorija socializma v SSSR. 1917–1991* / per. s angl. A.V. Jurasovskogo, A.V. Jurasovskoj. M.: ROSSPJeN, ANO, 2002. 582 s.
- Kaznina O.A. *Russkie v Anglii: Russkaja jemi-gracija v kontekste rusko-anglijskih litera-turnyh svjazej v pervoj polovine HH veka.* M.: Nasledie. IMLI RAN, 1997. 416 s.
- Jemis K. *Jeta russkaja* / per. s angl. A. Glebovskoj. SPb.: Simpozium, 2001. 448 s.
- Orujell Dzh. 1984 i jesse raznyh let. M.: Progress, 1989. 384 s.
- Hingley R. *The Russian Mind*. Lnd, Sydney, Toronto: The Bodley Head, 1978. 35 p.
- Berlin I. Aleksandr Gercen / per. s angl. I.Kazakovoj // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001. № 49 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/berlin.html> (data obrashhenija 05.12.2013).
- Mojem S. *Ljubov' i russkaja literatura* / per. s angl. V. Veber // *Mojem S. Jeshenden, ili Britanskij agent*. M.: AST: AST MOSKVA, 2009. 315 s.